

А. С. ПУШКИН В ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ И М. ЦВЕТАЕВОЙ

Литература о А. С. Пушкине – уникальное явление. Ни одному писателю за всю историю русской литературы не было посвящено такое огромное количество художественных произведений и литературно-критических работ. Русская литература не имеет примера аналогичного по глобальности образа художника, рецептивное поле которого было бы столь широко, что каждая эпоха открывала бы его творчество заново. Причин такого внимания к личности и творчеству А. С. Пушкина достаточно много: это и необычайная притягательность яркой индивидуальности поэта, и трагическая судьба, и, конечно же, его прекрасное творческое наследие, без которого история русской литературы была бы совершенно иной. Имя А. С. Пушкина превратилось в символ. «Пережить творения поэта, – писал В. Г. Белинский, – значит переносить, переживать в душе своей все богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствоваться их радостью, их торжеством, их надеждами. Нельзя понять поэта, не будучи некоторое время под его исключительным влиянием, не полюбив смотреть его глазами, слышать его слухом, говорить его языком» [1, с. 376].

Пушкинская тема звучит в произведениях А. Блока, В. Маяковского, М. Цветаевой и других поэтов серебряного века. Воплотилась она и в произведениях А. Ахматовой.

В жизни и творчестве А.А. Ахматовой Пушкин занимал особое место. Его стихи она называла «золотыми», у него училась краткости, ясности и емкости поэтического слога, и все, что связывало с его именем, дорого поэтессе. Ахматова преклонялась перед именем Пушкина, черпала душевные силы в изучении его творчества, внесла в пушкиниистику весомый вклад, с некоторой настороженностью относилась к настойчивым попыткам слишком категоричного сближения их имен.

Уже в первом ахматовском сборнике «Вечер» появляется юный Пушкин, перед поэзией которого она преклонялась. Для неё как Пушкин, так и его поэзия были идеалом. У Ахматовой был свой символ в поэзии, предначертанный путь в поэзии. Он выражался не в статьях и речах, а в стихотворениях. Это было обращение к Александру Сергеевичу Пушкину, которое мы читаем в цикле «В Царском Селе»: *Смуглый острок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов*. О мертвом поэте здесь говорится как о живом, «еле слышный шелест шагов» доносится через столетие. Прошлое оживает и становится героем стихотворения. Пушкин – вершинное воплощение прошлого, он воссоздал это прошлое в поэтическом слове. Образ Пушкина в этом стихотворении двойится. С одной стороны, он удален во времени и в пространстве: «И столетие мы лелеем еле слышный шелест шагов», а с другой стороны, он максимально приближен к читателю: дистанцию сокращают простые, обыденные детали: «Здесь лежала его треуголка и растрепанный томик Парни». В стихотворении утверждалась безусловность её ценностей, видна отчетливая «ограниченность» образа.

В этом цикле второе стихотворение представляет собой творческое переосмысление пушкинского стихотворения «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...». Речь идет о статуе, которая представляется одновременно и мертвой, и живой: *А там мой мраморный двойник, / Поверженный под старым*

кленом, / Озерным водам отдал лик, Внимает шорохам зеленым. Ахматовское стихотворение – это воскрешение пушкинской статуи в поэтическом слове. Во многих ахматовских стихах воскрешается пушкинское слово. Часты у Ахматовой пушкинские эпитафии, например, в таких итоговых произведениях, как «Северные элегии», «Городу Пушкина», «Поэма без героя». А название ранней поэмы «У самого моря» перекликается с зачином пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»: «Жили-были старик со старухой у самого синего моря».

Пушкинское творчество, пушкинская биография – предмет серьезного осмысления в течение всей жизни А. Ахматовой. Пушкин для Ахматовой – идеальная перспектива поэтического творчества. Пушкинский мир для нее – образец нерушимого гармонического равновесия: *Постучись кулачком – я открою. // Я тебе открывала всегда. // Я теперь за высокой горою, / За пустыней, за ветром и зноем, Но тебя не предаю никогда...* Ранней Ахматовой не было. Перед читателем появился зрелый поэт с твердо избранной позицией. В своей поэзии А. А. Ахматова спорила со всеми своими поэтами-современниками. И спор этот оказался чрезвычайно плодотворный для русской поэзии.

Следовательно, Пушкин для Ахматовой – действительно идеальная перспектива, нечто безусловно близкое и в то же время бесконечно удаленное, постоянно воплощающееся и в то же время до конца не воплотившееся. Таким представляется и пушкинское слово, которое незримо присутствует в ее стихах в виде цитат и аллюзий. Анна Ахматова – яркая звезда, которая загорелась на горизонте русской литературы, и которая своим сиянием осветила и покорила многие сердца. Пушкинские традиции в ее творчестве возвысили поэтессу до определенных высот совершенства. Ахматова не ставила своей целью подражание Пушкину. Она создавала оригинальные лирические произведения, выразившие и отразившие ее индивидуальные переживания, с самостоятельной лексикой, своеобразной композицией, неповторимой образностью и интонацией.

Так как любила А. С. Пушкина Цветаева, его не любил никто. Заполнив собой значительную часть духовного мира Марины Цветаевой, Пушкин, естественно, вторгся и в ее поэзию. Один за другим стали появляться стихи, посвященные Пушкину.

Цветаева любила живого, а не «хрестоматийного» Пушкина. В своих ранних полудетских стихах «Встреча с Пушкиным» она говорит о своем романтическом родстве с поэтом – веселым «курчавым магом», который вполне мог бы быть спутником ее счастливых коктебельских лет. Она отстаивает «своего» Пушкина, свое право на понимание поэта. Цветаева ревниво охраняет его – даже от его реальной, сложной и противоречивой судьбы. Имя А. С. Пушкина в данном стихотворении содержит коннотативное значение «великий русский поэт», в нем Цветаева обращается к поэту не только как к признанному, общеизвестному, но и как к своему наставнику: *Я вспоминаю курчавого мага / Этих лирических мест. // Вижу его на дороге и в гроте... / Смуглую руку у лба... / – Точно стеклянная на повороте / Продребезжала арба... – / Запах – из детства – какого-то дыма / Или каких-то племён... // Очарование прежнего Крыма / Пушкинских милых времён. // Пушкин! — Ты знал бы по первому взору, / Кто у тебя на пути. // И просиял бы, и под руку в гору / Не предложил мне идти.* В этом стихотворении имя Пушкина включено в контекст имен-названий географических мест: *Очарование прежнего Крыма / Пушкинских милых времён. // Пушкин!* Для Цветаевой имя поэта неотделимо от тех мест, где он жил и от России вообще. Ей ведомы и понятны все

тайны пушкинского ремесла, каждая его скобка, каждая описка; она знает цену каждой его остроты, каждого произнесенного или записанного слова.

По-настоящему, в полный голос, Цветаева сказала о поэте в замечательном стихотворном цикле «Стихи к Пушкину», опубликованном в юбилейном 1937 году. Они разрушают саму атмосферу и обстановку юбилея, попытки превратить образ гения в икону. Ее Пушкин — бешеный бунтарь, выходящий из мер и границ: *Уши лопнули от вопля: / «Перед Пушкиным во фронт!» / А куда девали пекло / Губ, куда девали — бунт / Пушкинский? уст окаянство? / Пушкин — в меру пушкиньянца?*

Для Марины Ивановны Цветаевой Пушкин был «вечным спутником», тем чистым родником, из которого черпали творческую энергию русские поэты нескольких поколений — от Лермонтова до Блока и Маяковского. Поразительно, но Цветаева считала Пушкина своим современником вопреки тому, что жила в другую эпоху, вопреки даже здравому смыслу. Силой своего воображения поэтесса в детстве создала себе живого поэта Пушкина и не отпускала его ни на шаг от своей души в течение всей жизни. С А. С. Пушкиным она постоянно сверяла свое чувство прекрасного, свое понимание поэзии. М. Цветаева через всю жизнь пронесла имя Пушкина и постоянно произносила фразу: «Мой Пушкин».

Таким образом, на творчество двух великих русских поэтов начала XX века — Анны Ахматовой и Марины Цветаевой — оказали большое влияние традиции А. С. Пушкина. Однако в поэзии Ахматовой и Цветаевой они проявились по-разному. Если Ахматова прямо продолжала и развивала творческие заветы А. С. Пушкина, то Цветаева перерабатывала их под особым, «своим» углом, создавая новаторские по форме и содержанию произведения.

Литература

1. Белинский В. Г. Собр. соч. . . в 3 т. / В. Г. Белинский. — М., 1948. — Т. 3. — 446 с.